

Источники и литература

1. Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. Москва: Наука, 1969. 402 с.
2. Кужугет А. К. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово: КемГУКИ, 2006. 319 с.
3. История Тувы / под ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. Т. 2. 430 с.
4. Тюркские народы Восточной Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. Москва: Наука, 2008. 457 с.
5. Тувинско-русский словарь: Около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. Москва, Советская энциклопедия, 1968. 646 с.
6. Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I: А–Й. 596 с.
7. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. Т. II: Д, Ё, И, Й. 386 с.
8. Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. 584 с.
9. Кенин-Лопсан М. Б. Алгыши тувинских шаманов. Тыва хамнар ныналгыштары. Кызыл: Новости Тувы, 1992. (На тув. яз.). 572 с.
10. Словник «Урянхайско-тувинской энциклопедии» / ТРОО «Мир тувинцев». Кызыл: б. и., 2019. 388 с.
11. Даржа В. Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 2007. 255 с.
12. Кенин-Лопсан М. Б. Тыва чаңчыл. Кызыл: Новости Тувы, 2000. (На тув. яз.). 359 с.
13. Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 2006. 230 с.
14. Кужугет А. К. Зрелищно-игровые элементы в культовых обрядах тувинцев. Кызыл: Республиканская тип., 2002. 79 с.
15. Айыжы Е. В., Базырчап А.-Х. О. Обряды и обычаи, связанные с культурами природы у тувинцев Республики Тыва РФ, Китая, Монголии в начале XXI в. (сравнительный аспект) // Вестник Кемеровского государственного университета. № 3(55). 2013. Т. 1. С. 18–23.
16. Базырчап А.-Х. О. Традиционные культы природы в духовной жизни тувинцев Кобдосского аймака Монголии на современном этапе // Казанский педагогический журнал. 2016. № 1 (114). С. 164–168.
17. Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика. Новосибирск: СО РАН; Наука; Изд-во СО РАН, 2018. 390 с.
18. Базырчап А.-Х. О. Обряд освящения истока воды (реки) у тувинцев // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4(32). С. 10–15.
19. ПМА 2020 г.: Республика Тыва, г. Кызыл. Бичелдей У. П., 1954 г. р.
20. Сарыглар Ч. Ш. Культ семейного очага у тувинцев-номадов // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 1 (44). С. 370–371.
21. Пименова К. В. Возрождение и трансформации традиционных верований и практик тувинцев в постсоветский период: дис. ... канд. ист. наук. Ин-т этнологии и антропологии РАН. Москва, 2007. 336 с.
22. Бичелдей У. П. Урянхайцы-тувинцы сумона Сэнгел Баян-Ульгийского аймака Монголии: общее и особенное в их тэнгрианских обрядах // Тэнгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. К. А. Бичелдей. Якутск: Междунар. фонд исследований Тенгри, 2019. С. 65–72.
23. ПМА 2020 г.: Республика Тыва, г. Кызыл. Информант Москва, 1960 г. р.
24. Кенин-Лопсан М. Б. Тувинские шаманы. Москва: ООО ИПЦ «Маска», 2009. 325 с.
25. Донгак С. Ч. Мал ыдыктаар тыва ёзулалдар. Тувинские обряды освящения скота. Кызыл: б/и, 2018. (На тув. и рус. яз.). 52 с.

УДК 392.51

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-117-121

Н. А. Тадина, Т. С. Ябыштаев

*Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация***Алтайская свадьба в условиях пандемии¹**

Аннотация. На основе сведений, собранных путём этнографического наблюдения, освещены причины ограничения обрядового цикла алтайской свадьбы в новых условиях пандемии коронавируса. Отмечено, что трансформационные изменения российского общества актуализируют проблему жизнеспособности обрядовой культуры и выработанных ценностей и традиций. На примере алтайской свадьбы в городе-столице Горно-Алтайске показано, как новые условия вызвали сосредоточение старинных смыслов свадьбы через авторитет старшего поколения как знатока ритуальной атрибутики обеспечения благополучия новой семьи конкретного сёока-рода.

Ключевые слова: алтайцы, родовое общество, изменяющиеся условия, обрядовая культура, свадьба, этнографическое наблюдение.

Пандемия коронавируса стала главным социально-политическим явлением 2020 г., затронув разные

сферы жизни. Проведение крупных мероприятий отменялось, переносилось на другой сезон или осуществлялось в другой форме – дистанционной, чтобы избежать массового скопления людей. Коронавирусная инфекция оказала влияние на общество, вызвав изменения привычного образа жизни в связи с мерами по борьбе с болезнью. Для сохранения со-

¹ Публикация подготовлена с использованием материалов гранта РФФИ, проект № 17-11-04004а(р) «Пути возрождённого зайсаната: от родовых „камней“ алтайцев до памятных знаков Республики Алтай в свете потестарной имагологии».

циального порядка, исходя из общественных представлений, были введены ограничения свободы перемещений, посещения публичных мест (кафе, ресторанов, кинозалов), поездок к родным и знакомым на праздники или похороны, личных контактов – при встрече мужчины перестали обмениваться рукопожатиями. В отношении предстоящего будущего, по результатам факторного анализа, одно из положительных последствий атаки коронавируса может состоять в том, что люди придут к осознанному потреблению, станут тратить меньше средств, откажутся от ненужного, станут больше внимания уделять близким, улучшению окружающей среды [1].

Сложившаяся ситуация дает уникальную возможность наблюдать реакцию обрядовой культуры алтайцев на измененные социальные условия. К выводам приходим на основе сведений, собранных традиционным путем этнографического наблюдения, проведенного в летний период 2020 г. Новая жизнь с ограничением контактов повлекла за собой ограничение обрядового цикла и сокращение числа участников свадеб, похорон и других мероприятий в семейно-родственной среде алтайцев. Наблюдается невольный возврат к старинным запретам, согласно которым, к примеру, в похоронах участвуют лишь старшие по возрасту, при этом не должны присутствовать дети, беременные, больные, те, кто не окреп в земной жизни и находится на грани с потусторонним миром. В традиционных представлениях проведение семейных ритуалов требует не многолюдности, а участия родственников, знающих ритуальный смысл, а значит, не могущих допустить недочетов и упущений.

В современных условиях глобализации и трансформационных изменений российского общества актуальной становится проблема жизнеспособности обрядовой культуры и выработанных веками ценностей и традиций. Актуальность данной проблемы проявляется в том, что спорные вопросы алтайской свадьбы решаются на собрании общественной организации «Курултай алтайского народа», созданной в постсоветский период [2, с. 308]. Как показывает этнографический материал, в период пандемии выработался вариант решения некоторых проблем в обрядовой культуре алтайцев. К их числу относится вопрос о регулировании сватовских расходов путем сокращения количества родственников невесты, включенных в список, включающий порой до 60–70 домов для сватовства стороной жениха. В условиях пандемии приходилось ограничиваться сватовским посещением лишь близких и старших родственников невесты.

В наши дни при незначительном росте урбанизации в Республике Алтай прослеживается трансформация алтайской свадьбы, обновление и приспособление ее традиций к изменяющимся условиям. Численность городского населения около 64 тысяч человек [3] за счет внутренней миграции, преимущественно алтайцев. Основной целью их переселения из села в город является обучение детей в гимназии,

лицее, техникуме, вузе. Как правило, дом в селе сохраняется за родителями, ведущими домашнее хозяйство. В городе, как и в алтайских селах, во дворе частного дома южные алтайцы устанавливают традиционную деревянную юрту, называемую «айыл». Айыл стал этнокультурным знаком того, что здесь проживает алтайская семья [4, с. 92].

На примере единственного города – столицы Горно-Алтайска – видно, как среди горожан-алтайцев, выходцев из разных районов, особенно алтайкижи и теленгитов, считается престижным проведение свадьбы по традиционным канонам, поэтому происходит приспособление свадебных ритуалов к городским условиям. По сложившейся традиции проведение свадебных обрядов назначается на лето, когда скот (овцы, лошади) становятся упитанными и можно приготовить молочные и мясные ритуальные угощения.

В условиях пандемии произошло приспособление алтайской свадьбы к новым условиям. Как правило, заключение патрилокального брака у алтайцев проходит в доме родителей жениха. Основным смыслом свадьбы состоит в ритуальном «переходе» невесты в категорию замужних женщин. Для этого следует совершить два ритуала, считающиеся основными. Это ритуал смены девичьей прически невесты на две косы с пробором, а затем ритуал приобщения невесты к родовому огню жениха через ритуал кормления его маслом. После совершения ритуалов следует свадебное угощение собравшихся родственников со стороны невесты и жениха. Проведение этих двух основных ритуалов составляют содержание алтайской свадьбы, поэтому ее образное название – «*баш жарыш*» (деление пробором головы невесты) или «*чач тарыш*» (расчесывание волос невесты).

В рамках мер по борьбе с коронавирусом была отменена вечерняя молодежная свадьба, обычно проводимая в кафе или ресторане, а творение утренней ритуальной части, называемой алтайской свадьбой и проводимой в доме жениха, оказалось возможным. Проживающие в городе стараются сотворить основные ритуалы ранним утром, когда на улицах меньше прохожих. В интернете появляются фото невольных свидетелей совершения ритуалов алтайской свадьбы. Сопровождение невесты в дом жениха ничем не отличается от этого ритуала в других районах. Два подростка несут белый свадебный занавес, прикрепленный к двум березкам, за ними 6–8 женщин в праздничной национальной одежде. Процессия женщин со стороны жениха идет за невестой, посаженной у ее родственников, живущих неподалеку. Несут угощение хозяевам дома. Выкупив невесту и прикрыв ее занавесом, ведут в дом жениха, исполняя песни в протяжном жанре «*жанар*».

Наши наблюдения позволяют утверждать, что алтайцы остаются закрытыми, особенно в отношении обрядовой культуры, и обычно стесняются демонстрировать свои песни и ритуалы. Немногие будут рассказывать рядом живущим русским суть ритуалов алтайской свадьбы. В пользу этого утвержде-

ния говорит и тот факт, что соседей, сослуживцев, знакомых обычно приглашают на вечернее пиршество в ресторан или кафе, а в предсвадебных, свадебных и послесвадебных ритуалах и поездках участвуют родственники обеих сторон без посторонних лиц.

В условиях города проблемно проведение ритуала поклонения невесты родовому огню жениха путем «кормления» его жиром в сопровождении благословений – «алкыш» родственников. По традиционному мировоззрению алтайцев, огонь родового очага индивидуален, он принадлежит к роду-сёоку хозяина, главы семейства и отца жениха. Если родители жениха живут в частном доме «на земле», то ритуал разжигания родового очага совершается в айыле (традиционном жилище), находящемся во дворе дома. Если такового нет, то устраивают символический айыл, установив три шеста и натянув три атласные ленты желтого, зеленого и синего цвета, получая сооружение в виде конусообразного шатра высотой 3–4 метра, в центре которого старшие родственники жениха ставят очаг [5, с. 100].

Проблемным является совершение ключевого ритуала свадьбы для алтайцев, живущих в благоустроенной квартире. Ограничиться проведением его у электрической или газовой плиты невозможно, так как необходим «живой» огонь очага. Иногда для проведения свадебных ритуалов арендуют айыл у родственников или у семьи сёока-рода жениха. Бывают случаи, когда родители жениха решаются провести этот ритуал ранним утром во дворе многоэтажного дома, найдя укромное место. Обычно их стесняет невольное присутствие посторонних, не понимающих надобность проведения свадебного ритуала у огня.

В силу важности соблюдения основных ритуалов свадьбы городскими алтайцами Совет зайсанов (родовых глав), называемый «Тос Торгд», предлагает построить общий айыл, в котором имелась бы возможность проведения ключевых свадебных ритуалов, связанных с почитанием родового огня жениха. Предварительно такой этнокультурный комплекс назван «Алтайский культурный и духовный центр» и его строительство совет зайсанов предлагает на горе Айан в городском микрорайоне Байат. На примере проведения алтайской свадьбы в условиях города показательно сосуществование традиционного и нового (однодневный айыл из шестов и разноцветных лент во дворе частного дома, разжигание огня во дворе многоэтажного дома и пр.). Сторонники зайсаната настаивают на том, что восстановление совета родовых глав позволяет этническим маркерам алтайцев выйти из семейно-родственной и бытовой среды на более широкий уровень, в чем проявляется одна из форм самоутверждения [6, с. 143].

Как известно, у этнического меньшинства возникает чувство ограниченности бытия, но именно под влиянием иноэтнической среды происходит осознание себя с общим этнонимом, системой мировоззрения и социальной организацией, неповтори-

Рис. 1. Ритуал посвящения новобрачных.
г. Горно-Алтайск, 29.08.2020. Фото Н. А. Тадиной.

мым обликом и менталитетом. Не существует одинаковых этносов, хотя коренные народы одного историко-этнографического региона, каким является Алтай, в чем-то похожи друг на друга и в то же время своеобразны. В этом смысле показательна обрядовая культура. Алтайцы о свадьбе говорят, что в каждом районе она имеет отличия, которые можно объяснить неоднородностью алтайского этноса, состоящего из нескольких территориальных групп, и не случайно ведутся споры, какие ритуалы важны, в каком селе их совершают правильно, как было в старину.

Наблюдая со стороны, местные русские отмечают, что «алтайская свадьба проходит богато, потому что алтайцы дружные и помогают друг другу». Дело в том, что в родовом обществе алтайцев принято участвовать и оказывать посильную помощь при проведении свадьбы и других мероприятий. В период подготовки к свадьбе распределяют роли конкретных родственников определенной категории родства для совершения ритуалов. Обязательно участие младших родственников – племянников-«жеен» как невесты, так и жениха. Они участвуют в ключевом ритуале алтайской свадьбы – приводе невесты в дом жениха. При этом несут занавес, прикрепленный к двум березкам: одну, с левой стороны, держит племянник невесты, а другую, с правой стороны, – племянник жениха. За участие в обряде они

получают подарки (коробки конфет, чая и пр.), а также им вручают *«јодо»* – вареную голень конской туши. Такое подношение называется *«баркы»*.

Родовая обязанность соблюдения обычая *«баркы»* настолько крепка, что племянника, как потенциального получателя стали называть *«баркы»*, а племянников – *«баркылар»*. Родители отца называют его детей *«балдар»* в значении «внуки», потому что они унаследовали сёок их семьи. Родители матери называют ее детей *«јеендер»* в смысле (племянники) как относящихся к другому сёоку, сёоку их зятя. Общее название потомков состоит из приведенных терминов – *«бала-барка»* в значении «дети и племянники». В результате слово *«баркы»*, означающее один из обычаев авункулата, приобретает значение термина родства и живет как дань ушедшей традиции.

В совершении ритуалов алтайской свадьбы важно участие дяди по матери *«таай»*. Обычно во время сватовства дядя-«таай» невесты дает согласие на брак племянницы – дочери сестры и принимает активное участие в сватовских переговорах. А при женитьбе сына сестры дядя-«таай» играет роль главного свата и руководителя свадьбы племянника. Ранним утром в день свадьбы один из дядей-«таай» жениха с помощником идет за березками, необходимыми для проведения ритуалов. Другой дядя-«таай» с помощниками готовит айыл для проведения ритуала приобщения невесты к очагу жениха. Третий его дядя-«таай» распоряжается приготовлением мясных угощений для свадебного пира и послесвадебных подношений родителям невесты.

После заплетения волос новобрачной в две косы, совершаемого старшими родственницами жениха и невесты в сопровождении песен-*«јанар»*, происходит ритуал открытия занавеса-*«кѳжѳѳѳ»*, что символизирует «рождение» невесты в новом статусе невестки-*«келин»*. Дядя-«таай» или другой старший родственник жениха, например, брат его отца, открывает свадебный занавес, считающийся табуированным, пользуясь мужским предметом: рукояткой плётки, прикладом ружья, ножнами или двумя веточками можжевельника-*«арчын»*, этим знаменуя рождение невесты в статусе замужней. Ритуальные действия происходят в сопровождении слов благословения и наставления невесты почитать старших и младших, соблюдать обычай избегания старших родственников мужа. В старину открывший занавес один из тех родственников, по отношению к которому невеста должна была соблюдать обычай избегания. Затем дядя-«таай» проводит очередной ритуал – приобщение невестки-«келин» к родовому очагу жениха в сопровождении благословений родственников обеих сторон. После каждого благословения он льет в огонь жир, и пламя, высоко поднимаясь, дает знак благополучия новой семье. В руках дяди-«таай» – молоко и можжевельник-«арчын» как главные атрибуты ритуалов свадьбы.

Огонь очага антропоморфен и осознается виртуальным членом семьи. Для невестки огонь очага мужа почитаем как виртуальный старший родственник

«кайны». Другой атрибут – молоко (*сѳт*) дает выращиваемый скот, а изготавливаемые из него молочные продукты (масло, сыр, молочные напитки) олицетворяют достаток и благополучие в жизни. Именно летом назначается проведение алтайской свадьбы, когда скот становится упитанным и можно приготовить мясные и молочные угощения, тогда активно творится ритуальная жизнь. Алтайцы расселены по речным долинам, окруженными горными хребтами, где в укромных местах произрастает можжевельник. У южных алтайцев его название имеет отличие: у алтай-кижи называется *«арчын»*, а у теленгитов – *«артыш»*. Это растение олицетворяет божественную связь с природой, тайгой и горами, поэтому его могут срывать лишь «чистые» люди – мужчины или подростки. Для проведения свадьбы в доме жениха, как, впрочем, в любой семье, хранится можжевельник-«арчын», завернутый в белую нестиранную ткань.

При совершении алтайской свадьбы наблюдается триединство ритуальных атрибутов – очаг, молоко и можжевельник-«арчын». Невозможно использование одного ритуального атрибута без привлечения других, например, арчын следует возжигать от огня очага, который обычно «кормят» маслом. В ритуальной практике «кормления» огня очага, кропления молоком священных объектов и очищения путем окуривания можжевельником-арчином выражается ключевая идея бурханизма – почитание верхнего небесного мира, дающего жизнь человеку и благополучие его семье и сёоку-роду.

Согласно правилу, старшие творят свадьбу, без их участия обряды не приобретут ритуальной силы. В руках старшего поколения сосредоточены ритуальная деятельность родового коллектива и общественное мнение. Ни одно семейное торжество, сватовство и свадьба или общественный праздник не проходит без участия старших, иначе событие не будет иметь социальной значимости, а его итог не приобретет силу закона. Старшему родственнику во всем отдается первенство: приступить к сватовству, первым начать ритуальные действия, отведать угощение, возглавить процессию и пр.

При совершении узловых обрядов и ритуалов жизненного цикла проявляется сакральная роль старших родственников – им приписываются дополнительные смыслы. Уважение к возрасту человека выражает признание роли старшего. Под влиянием этой традиции разграничивается поведение старших и младших, обеспечивая старшим высокий авторитет в общественной жизни. Возрастные нормы поведения приняли форму этикетных правил: обращаться к старшему только на «вы», не перебивать его и не перечить ему, не повышать на него голос, не поднимать руки, не говорить о нем плохого, не подшучивать над ним. В алтайской семье принято обращение на «вы» к родителям, старшему брату и сестре, которые могут быть старше всего на год.

Общее «членство» сёока как родственной группы создает ощущение включённости в значимые кров-

родственные связи, что определяется гарантированностью помощи, зафиксированной моральными нормами. Старшие родственники выступают, как социально значимые акторы, гарантами безусловной поддержки в затруднительной ситуации.

Современные рыночные отношения привносят коррективы в родственные отношения алтайцев. Меняется позиция старших родственников как доминантных, предоставляющих помощь и материальные дары сородичам. Не каждый из них может (или согласен) помочь, хотя традиция родовой взаимопомощи продолжает сохраняться. В ней нуждаются сторона жениха, озабоченная приготовлением мясных угощений из конины и баранины для сватовства и свадьбы; сторона невесты — подготовкой приданого. Младшие сородичи имеют право на помощь — не стыдно просить у родственников. Старший родственник окружен ореолом жертвенности, к нему обращаются за советом, уважают его мнение, считаются с ним, не перечат ему, тем самым он получает психологическую компенсацию в ответ на дары и помощь. В его адрес неоднократно произносится потенциальный термин родства старшей категории.

Категория старшинства различается не только по возрастному признаку. Дифференциация по полу является вторым признаком (после возраста) в соционормативной культуре алтайцев. В этом отношении показательно ритуальное участие в свадебных обрядах женщин-певиц. По социальному статусу мужчина считается выше женщины: во-первых, он выступает главой семьи (при патрилокальности брака), во-вторых, продолжателем сёока и отцом детей-наследников (при патрилинейности рода). После достижения старшего возраста статус мужчины и женщины выравнивается. К этому возрасту детородный период уже завершен, поэтому пожилые женщины считаются ритуально «чистыми» и могут наравне с мужчинами участвовать в совершении обрядов. Не случайно представителей старшего поколения называют без различия пола общим определением «старый человек» (*карган кжи*) или «старший человек» (*јаан кжи*).

В родовом обществе алтайцев не допускается нарушение экзогамных норм брака, происхождение

жениха и невесты из одного сёока-рода приравнивается к инцесту и в глазах сородичей считается аморальным поступком. Это пример того, как родовой запрет перерос в этическую норму. Не случайно слово «*карындаш*» используется как термин кровного родства в значении «младший брат». Родовая экзогамия в рамках родства «карындаш» стала составной частью обычая «*алышпас*» (не вступать в брак), который также включает брачные запреты, установленные в сватовском и материнском сёоках.

Таким образом, в ответ на создавшиеся условия пандемии коронавируса происходит сокращение свадебной обрядности у алтайцев. Объяснимым образом отменяется вечерняя молодежная свадьба в результате ограничения посещения кафе и ресторанов. Ритуально насыщенная утренняя часть свадьбы в доме жениха оказывается осуществимой из-за малого количества участников, предпочтительно знающих старших родственников обеих брачующихся сторон. Возрос авторитет старших по возрасту и степени родства, являющихся основными творцами свадебных ритуалов. Словом, новые условия, связанные с пандемией, вызвали сосредоточение старинных смыслов свадьбы, связанных с ритуальной атрибутикой обеспечения благополучия новой семье, в конкретном сёоке-роде.

N. A. Tadina, T. S. Yabyshtaev

Altai wedding in a pandemic

Annotation. Based on the information collected through ethnographic observation, the reasons for limiting the ritual cycle of the Altai wedding in the new conditions of the coronavirus pandemic (COVID) are highlighted. It is noted that the transformational changes in Russian society actualize the problem of the viability of ritual culture and values and traditions historically developed. Using the example of an Altai wedding in the capital city of Gorno-Altaysk, it is shown how the new conditions caused the concentration of the ancient meanings of the wedding through the authority of the older generation as an expert in ritual paraphernalia of ensuring a new family's well-being in a particular shook — clan. **Keywords:** *Altaians, tribal society, changing conditions, ritual culture, wedding, ethnographic observation*

Источники и литература

1. Степанцов П., Вилейкис А. Коронавирус и общество. Как россияне реагируют на эпидемию // Нож. [Электронный ресурс]. URL: <https://knife.media/cogona-sociology-1/> (дата обращения: 10.09.2020).
2. Ябыштаев Т. С. Проблема соблюдения родовых традиций у алтайцев // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. Вып. XXVI. С. 306–310.
3. Количество жителей Горно-Алтайска численность населения // Города России. [Электронный ресурс]. URL: http://xn---7sbiew6aadnema7p.xn--p1ai/sity_id.php?id=270 (дата обращения: 10.09.2020).
4. Тадина Н. А. О трех этапах модернизации родового общества алтайцев // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2019. Т. 28. С. 88–97.
5. Тадина Н. А. Символика и этические ценности алтайцев в практиках возрожденного бурханизма // Вестник Томск. гос. ун-та. 2013. № 4 (24). С. 97–100.
6. Ябыштаев Т. С. Пути возрожденного зайсаната в Республике Алтай // Вестник Томск. гос. ун-та. 2019. № 440. С. 139–145.